

Т.Г. Лешкевич

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПОХИ В ПРОЕКЦИИ ИХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-011-00298/19).

Анализируются порожденные цифровой эрой тенденции, свидетельствующие об изменении современного человека. В фокусе внимания детерминанты тройного рода: цифровые трансформации социальной онтологии, в поле которой вынужден существовать современник; антропологические трансформации, вызывающие необходимость обретения «цифровых навыков» и компьютерно-опосредованной «аренды знаний»; функционально-когнитивные трансформации как следствие доминирования техносциализации и феномена, получившего название «просмотрщики контента».

Ключевые слова: цифровая эпоха; отношение «человек–мир»; «цифровые навыки»; «аренда знаний».

Стремительный прорыв в сфере цифровых технологий вызывает существенные трансформации всех сфер общества и ведет к пересмотру смысловых опор человеческого существования. Современное развитие технологий все время уходит из-под социально-гуманитарного контроля и во многом превосходит возможности человека по его освоению. В существующей «гибридной реальности», скрещивающей физический тип естественного существования человека и цифровые детерминанты его современного функционирования, с очевидностью фиксируются изменения, происходящие с современниками вследствие контакта с цифровой средой. В силу этого, осмысление эффектов интенсивного проникновения цифровых технологий не только в сферы профессиональной деятельности человека, но и в его приватное пространство, анализ негативных последствий «эпохи цифры» в контексте смысложизненных регуляций существования современного человека приобретает особую актуальность.

При рассмотрении данной проблемы, взяв за критерий маркер технологизации труда, выделим заметные вехи внутри техногенной цивилизации. Речь идет о движении от постиндустриального мира к информационному обществу, затем к цифровой эре и в качестве приоритета будущего – к сквозному применению искусственного интеллекта. Отягчающим обстоятельством является то, что стремительное развитие технологий не сопровождается всесторонней философско-методологической рефлексией, но осуществляется как бы вслепую. Современный человек расценивает свое бытие как «ситуацию настороже», в которой «безусловная» польза ускоряющейся цифровизации в мировом масштабе оказывается под вопросом. Все ощутимей становятся внутренние проблемы цифровой организации, тиражирование цифровых услуг, корректность выбора программных продуктов и их девальвация.

Следует особо подчеркнуть, что в англоязычном научном дискурсе данная тематика получила общее название Digital Humanities. В этой области сопряжение офлайн-практик и онлайн-окружения представлено значительным разнообразием подходов и интерпретаций этого широкого направления исследований. К числу наиболее близких к исследуемой теме можно отнести работу Н. Негропonte с примечательным

названием «Будучи цифровым» (1995), фиксирующую компьютеризацию самой жизни [1]. Специфические характеристики электронной культуры, впрочем, как и введение самого термина «E-culture», стали предметом исследований А. Ронки [2]. Наряду с попытками разграничить ключевые цифровые технологии от информационных, конвергентных и смарт-технологий [3], распространено наиболее обобщенное понимание, относящее к эпохе цифры все, что связано с созданием электронных аналогов духовных и материальных объектов, а также собственно виртуальных пространств, процессов и явлений [4]. Вместе с тем, независимо от терминологических оборотов академического дискурса, **экзистенциальные сдвиги**, происходящие под влиянием этих процессов, весьма ощутимы. Еще в конце прошлого века Й. Масуда подчеркивал эффект, состоящий в том, что череда открытий в сфере информационных технологий превращают абсолютно всех людей в потребителей информации вне их желания и воли [5]. Тем самым информация оценивалась как навязываемый потребительский ресурс, и на аванс сцену выдвигался новый тип – «человек, потребляющий информацию». В противоположность в корпоративные системы пользовательских устройств, когнитивный подход перемещал фокус внимания на «тяжелую проблему содержания» (the hard problem of content) информационной культуры [6]. А используемый термин «IT-culture» акцентировал процесс привязки неформальных смыслов культуры к информационным значениям [7. С. 234–235]. В этом контексте можно встретиться и с понятием «дигитальный мир», хотя часть исследований предпочитает использовать термин «инфомир», характеризуя современного человека как Homo Interneticus [8]. Геймер, user или peet (человек, живущий в Сети), – вот достаточно распространенные персонажи, населяющие «жизненный мир» цифровой эры. В ход идет и термин «информаноиды», обозначающий существ информационной реальности, способных быть субъектами в этой системе [9]. Впрочем, достаточно часто исследователями используется термин «расширенный субъект» [10], обладающий достаточной простотой и интуитивной ясностью.

В этой связи внимания заслуживает проблема «сборки субъекта» [11. С. 6]. Говоря об истории

«сборки субъекта», исследователи отмечают, что «субъект речи собирается усвоенными речевыми практиками; субъект письма – инструментами нанесения знаков; сетевой номад – интернет-интерфейсами» [12. С. 162]. С позиций Г. Малинецкого, изменение конфигураций существования человека следует анализировать в координатах взаимодействия субъект – проект – среда. Субъекту для выполнения своей функции нужен проект, для обеспечения реализации проекта нужна среда, выращивание среды требует и субъекта, и проекта [13]. Детализация этого подхода приводит к выводам, согласно которым «...организация субъектно-ориентированной информационной платформы саморазвивающейся среды – назовем такую платформу полисубъектным конфигуратором – позволит актуализировать ряд важнейших параметров сборки субъектов развития. Это, в свою очередь, необходимо для проектирования “общего поля видения” будущего, для выявления вызовов и угроз и преодоления эгоизма участников интеграционных процессов» [14. С. 107]. На наш взгляд, возможность эмерджентных эффектов, сопровождающих стремительное развитие цифровых технологий, делает особо актуальной потребность «пересборки» навыков субъекта под каждую новую ситуацию. При этом в качестве эффективного методологического подхода выступает квадрига, указывающая помимо целеориентиров человека на значение объектных, проектных, процессных и средовых детерминант.

Вместе с тем анализ тенденций цифровизации, обуславливающей изменение отношений «человек-мир», необходимо проводить с учетом конкретного экономического и геополитического положения той или иной страны, ее локальных особенностей, выбора определенной стратегии, опосредованной механизмами политических институтов. Это обуславливает методологическую тактику, опирающуюся на использование принципа конкретности и принципа реализма. Значение приобретает как направленность на учет совокупности внешних обстоятельств, так и формирование внутренних установок, определяющих конфигурации и выбор событийного ряда с учетом целевых и ценностных ориентаций. Эффективным методологическим инструментом, помогающим распределить механизм проектируемых на личность человека воздействий цифровой эры, является традиционный для формирования навыков субъекта деятельностный подход с той лишь разницей, что средовым фактором оказывается инфомир.

На наш взгляд, концептуальный анализ совокупности изменений, обусловленных масштабным развитием цифровой среды, позволяет обнаружить детерминанты тройного рода. Во-первых, это цифровые трансформации социальной онтологии, определяющей способы существования нашего современника. Во-вторых, порожденные цифровизацией антропологические трансформации. В-третьих, это функционально-когнитивные трансформации, отдающие ведущую роль техносциализации субъектов в ущерб гуманитарному развитию и рефлексивному восприятию мира, сопровождаемому оценкой позитивных и негативных эффектов существования человека в циф-

ровой реальности. Раскрывая влияние каждого из названных факторов, подчеркнем, что «в сцепке» с социальным оказываются как действующие акторы, так и фрагменты из мира медиа, виртуального информационного пространства. Человек, будучи в тесном контакте с цифровым миром, становится во многом сгустком социально-информационных отношений, агентом сетевых практик. Активные процессы виртуализации с характерными для них симулятивным и имитационным эффектами ставят под сомнение конкретное понимание реальности. «Что есть реальность на самом деле?», – проблема, волнующая и обывателей, и ученых, остается без ответа. Технологии в своем стремительном беге несут собой обновляемость, постоянную изменчивость, нестабильность. Вследствие чего современный человек ощущает свою уязвимость, необходимость постоянной перестройки, диффузию смыслов существования. Все настойчивее дает о себе знать реальная опасность тотального информационного контроля как публичной, так и приватной жизни. Цифровая эра ведет «беспощадную борьбу» и с пространством, и со временем. Реальность, выступающая в виде «отцифрованной» среды, в состоянии исключить фактические внешние воздействия, энвайроментальный контекст в его геофизическом измерении. Поражают скоростью темпоральные изменения, когда одного клика достаточно, чтобы последовали серьезные трансформации. Уже установился новый императив: «без перемещения в пространстве!», когда не нужно никуда идти, все можно сделать, узнать, заказать, сидя у компьютера, на расстоянии вытянутой руки или еще проще – с гаджетом в руке. Компьютер или смартфон выполняют роль «открытой двери» в пространство Всемирной паутины. Значение доминирующей ценности приобретает исправность Сети, программное обеспечение как «невидимый слой» современности, а также некий значимый порядок в самом компьютере. Цифровая эра заставляет забыть о природе, реально существующем естественном мире. Её заместителем часто оказывается визуализация прекрасных мест, завораживающая экспрессивной красочностью и обеспечивающая своеобразный эффект сопричастности. Можно согласиться с выводом С. Grege, утверждающим, что «...дигитальность можно мыслить как маркер культуры, поскольку включает как артефакты, так и означивания, и коммуникации, которые с наибольшей очевидностью отличают наш современный образ жизни от других» [15. Р. 12]. Несмотря на то, что отрыв человека от реальности мира естественного всегда квалифицировался как вынужденный, обусловленный заданными условиями, «поколение Z», датой рождения которого считается 1980 г., с детства вовлеченное в цифровые технологии, принимает его как добровольный, предполагающий собственный выбор и уход от острых проблем повседневности.

Далее анализ антропологических трансформаций, генерируемых «эпохой цифры», показывает, что на место теряющей свое значение физической мускульной силы заступают «цифровые навыки». Однако физиологию и психосоматику отменить невозможно. Человеческое тело требует и физических движений,

и физической нагрузки. Не зря в веках повторяется философская мудрость: «Движение есть жизнь». Вместе с тем фактом является то, что произошедший сдвиг в сторону электронных взаимодействий значительно превышает возможности традиционных взаимодействий. Сформировался новый стиль потребительского поведения: онлайн-услуги, онлайн-развлечения и игры, общение онлайн, книги онлайн, фильмы онлайн, само образование, также предлагающее платформу онлайн вкупе с онлайн-медициной. Инфомир, навязывая свой информационный ресурс, позиционирует себя как самодостаточный тип бытия. При этом агрессивно замещаются реальные связи и отношения, живое личностное общение и способы самореализации. Существенно меняется мотивированность успеха, которая связывается с количеством лайков, полученных в социальных сетях, количеством подписчиков, стремлением оставить свой «сетевой след» вне зависимости от его ценности и содержания. Так называемые виртуальные рабочие места порождают отрицательные последствия экзистенциального характера, так как отсутствие возможности реального взаимодействия с окружающими людьми отрицательно сказывается на сущностной характеристике человека как существа социального. Возникает своеобразный «цифровой солипсизм». А сильнейшая зависимость современного человека от новых технологий позволяет говорить о новом «интерактивном» одиночестве [16]. Человек – затворник, заложник, так называемый хикки (или *homo solus*) – человек одинокий – становится реальным действующим лицом эпохи цифры [17]. Иными словами, появляется некий субкласс компьютерных людей, так называемые зомби [18], которых не заботит будущее, они ведут затворническую жизнь и добывают себе средства к существованию при помощи компьютера же.

Острой проблемой предстает изменение коммуникативных основ цифрового мира. Всеохватывающие просторы Интернета полностью поглощают современного человека, предлагая разномастные ресурсы интерактивного взаимодействия: от простых лайков и кратких комментариев до жарких схваток и дискуссий. Культурные практики, ставящие во главу угла словесность, скатываются на периферию. Выражение чувств, личных взаимоотношений, автореференция происходит при помощи смайликов, символов или картинок, схематично отражая лишь поверхностные слои мироощущения. Живые межличностные контакты сокращаются. Коммуникация пользователей сети выступает как своего рода симулякр – извращенное подобие, отсылающее к имитации реальности, оно замещает непосредственное общение и ведет к серьезным когнитивным сдвигам. В радикальном случае речь может идти об утрате способности к существованию в реальной культуре, о девальвации значения длительного личностного общения, о стремлении к полной виртуализации образа жизни и трактовке действительности как рудиментарной формы существования.

В контексте адаптации к цифровой цивилизации в академическом дискурсе обретает свою силу и иное

определение сознания человека. Сознание предлагается понимать как интегральную модель мира и самого себя, отвечающую требованию максимальной вероятности для заданных условий и позволяющую действовать на эти условия [19. С. 54]. Ни о самоосознании и самооценке, ни о целеполагании, саморегуляции и смысловой рефлексии речи не ведется. В то время как «расчеловечивание» человека силами технологий должно быть остановлено скрепляющей мощью сознания, направленного на увеличение именно рефлексивного жизнеосмысляющего слоя [20].

Вместе с тем фактом остается то, что цифровая эра задает новые приоритеты и будущее поколение должно вступить во взрослую жизнь, будучи максимально к ней подготовленным, в противном случае оно может лишиться активного участия в будущем. Это вызывает функциональные трансформации в процессе жизнедеятельности и отдает ведущую роль техносоциализации, сопровождаемой формированием соответствующих компетенций [21]. Поскольку информация наделяется статусом стратегического ресурса, а информационная среда постепенно становится основной средой обитания человека, техносоциализация выступает в качестве «исходной территории», на которой происходит встреча индивида с современной цивилизацией. Можно сказать, перефразируя известный тезис, «технобытие определяет сознание». При этом степень насыщения частного пространства технологическими новшествами, которые активно используются, оценивается как своеобразный критерий современного качества жизни, соответствия человека приоритетам эпохи. Это усиливает технологический детерминизм, ведет к серьезным изменениям социокультурного ландшафта. «Цифровые навыки», делающие упор на отработку инструментальных умений и их ситуативное применение, становятся не только доминирующей практикой и запросом жизненного мира нашего современника, но и основополагающей ценностной ориентацией. И уже не «fast-thinkers», т.е. «быстродумы», по П. Бурдые [22. С. 44], а те, кто может быстро разыскать нужную информацию и осуществить доступ к ресурсам Интернета с любого устройства, занимают весомое место в современном сообществе.

Вместе с тем в научном академическом дискурсе нашли отражение рефлексивные оценки настоящего периода, справедливо именуемые его как «гибридная реальность» с характерным симбиозом традиционного и цифрового. В образовательной среде очевидна диспропорция, когда цифровые навыки обучаемых подчас превосходят цифровую компетентность обучающихся, т.е. педагогов старой школы. И если раньше образовательный процесс предполагал наличие двух полюсов: полюс преподавателя, обладающего информацией, и полюс студента, которому эта информация транслировалась, то в цифровую эру Интернет и компьютерные технологии предлагают иные возможности в распределении активности. Тем самым фиксируется весьма существенная разница в адаптивных возможностях обучаемого и обучающего. В связи с этим стоит обратить внимание на интересный подход Марка Пренски, который делил всех современников

на два лагеря: цифровое поколение – «коренные жители» цифровой эры, привыкшие к цифровым каналам информации, и «цифровые иммигранты», рожденные до цифровой революции [23]. По мнению Дона Тарскотта, сетевое поколение за счет использования предметов цифровой эпохи более подготовлено и осведомлено, нежели их родители. Это движущая сила грядущей цифровой трансформации [24].

Однако даже с учетом сложившейся диспропорции справедливо общее утверждение, что наши современники не успевают осваивать новейшие технологии [25]. Когнитивной проблемой становится быстрый перевод локуса внешней активности во внутреннюю. Ведь необходимо изменить череду приемов и навыков, уловить «текст процесса», «запись его развертывания», разрушить и перестроить имеющуюся матрицу, поменять ее код. В быстрой смене инструментальной технологической организации и вследствие недостаточной компетентности в сверхсложных технологиях у человека возникает ощущение ущербности и незащищенности, осознание собственной неспособности подстроиться и соответствовать динамике цифровой эры. Технологический формализм превращается в оторванную от человека систему отчуждения. А скользящее экранное восприятие информации деформирует понятийную культуру. Случайные и разрозненные фрагменты не увязываются в обоснованное целое, так как «клиповое мышление» направлено на восприятие только отдельных «пазлов» действительности [26]. Возникает своеобразный тип рациональности, в котором предпочтение отдается не смысловому погружению в содержание, а визуальным образам и поверхностно «сканированной» информации, как правило, сохраняемой только на уровне кратковременной памяти. Это явление нашло отражение в специальном термине «просмотрщики контента». Резко критическое отношение к такой форме существования в культуре сопровождается весьма нелицеприятным эпитетом как-то: «Самое тупое поколение» [27]. Его представители довольствуются бессистемным заимствованием информации, у них нет необходимости и потребности познавать внешний мир, в силу чего их кругозор, равно как и интеллектуальные способности сужаются, они превращаются в узников своих социальных кругов, страдает навык чтения и глубокого понимания содержания текстов [Там же]. Г. Смол и Г. Ворган прибегают к эпитету – «цифровые туземцы» и указывают на трансформацию мозга под влиянием компьютерных цифровых технологий. При общем пассивном восприятии области особенно молодого мозга, отвечающие за интеллектуальное развитие и эмоциональную сферу, могут быть деформированы и подвержены поражению [28]. В силу того, что поведение в Сети принципиально отличается от поступков в реальной жизни, дети цифровой революции оказываются как минимум социальными незрелыми. Есть и симптомы, особенно настораживающие научные когорты, они касаются авторского права, которое, как оказывается, лишено какого-либо значения. В связи с привнесенными цифровой эрой когнитивными проблемами стоит обратить внимание на вывод Д.В. Иванова, указывающий со ссылкой на Д. Хутто и Е. Миина на «труд-

ную проблему содержания» (the hard problem of content) [29]. Остро ставится вопрос, как индикацию информации, ее сырой материал обратить в качество внутреннего опыта человека и его сознания. Акцент когнитивных исследований должен быть перемещен на то, как содержание, присутствующее в Сети, осваивается, «переваривается» и становится содержанием, находящимся в голове индивида. Действительно, в условиях цифровой эры индивид стремится найти и принять готовые информационные ресурсы, по большей части имитируя свою деятельность, связанную с «тяжелой работой думанья», осмыслением и освоением того или иного содержания. Но поскольку закодированный и обнаруженный в Сети content не становится автоматически личностным достоянием человека, то возникает эффект «аренды знания», порожденный доминированием цифровых навыков. Таким образом, «трудная проблема содержания» сложна еще и потому, что простой переход инет-содержания в когнитивно-персональное содержание личности невозможен. Именно личностное освоение информации, сопровождаемое процессом мышления и связанное со всем комплексом когнитивных способностей индивида, где имеют значение нейрофизиологические, умственные, эмоциональные и волевые характеристики, а также мотивация, персональные стремления и ценностная система, обогащает познающего, свидетельствуя об уникальности его личности. Иными словами, объективированное в информации содержание еще не является интериоризированным содержанием личностного знания индивида, поппернианский мир объективированного знания не тождественен миру субъективных состояний сознания человека. Вспомним предельно широкое и одновременно безразличное к человеческому существованию онтологическое определение информации как меры неоднородности. В эпоху постнеклассики оно дополнилось пониманием информации как случайно запомненного выбора. И это с новой силой указывает на многослойность процесса распредмечивания и сугубо личностную «распаковку» содержания. Прав Д.В. Иванов, утверждая, что человек обладает особым знанием о данностях своего сознания – знанием, полученным из перспективы первого лица [Там же].

Обеспокоенность за нашего современника, имея в виду его ответственность и глубокие персональные знания, выражают и зарубежные авторы М. Барбер, К. Доннелли и С. Ризви. В эссе «Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция» они пишут: «... Нам нужны граждане, готовые нести личную ответственность, как за себя, так и за мир вокруг... способные и готовые применить свое знание лучшего из того, что было придумано, сказано и сделано человечеством, для решения проблем настоящего и будущего» [30]. В то же время современный стиль инет-общения обескураживает, и это передано самим названием книги, например, «Русский язык на грани нервного срыва» [31]. Несмотря на то, что инет-меседжи, по мнению ученых, могут быть отнесены к предрациональному – нижнему, пограничному уровню сознательности [32], «псевдо-культурная» стилистика общения постепенно приобретает значение паттерна взаимодействия. А зависимость от Интернета

признана одной из мощных технологий манипуляции, которая названа основным злом XXI в. Согласно данным, приведенным М. Шпицером, около 250 000 молодых людей Германии в возрасте от 14 до 24 лет признаны интернет-зависимыми, а еще 1,4 млн – «проблемными» пользователями Интернета. Также в США подростки уже сегодня тратят больше времени на цифровые СМИиК (добрые 7,5 часа ежедневно!), чем на сон. Это показал репрезентативный опрос более двух тысяч юных американцев в возрасте от 8 до 18 лет. В результате у молодых и взрослых людей участились случаи нарушения памяти и способности к концентрации, рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств. Описанные симптомы, как подчеркивает автор, позволили врачам выявить новое заболевание – цифровое слабоумие [33].

Таким образом, подытоживая сказанное и определяя, насколько цифровая эра, утверждая свое доминирование, меняет и самого человека, и отношение «человек–мир», необходимо признать следующее. Во-

первых, трансформации субъектности происходят в условиях иной социальности – т.е. социальности сети, выступающей «невидимым слоем» современности с характерным запросом на развитие цифровых навыков, признанных базовыми для XXI в. Во-вторых, следует зафиксировать новый аттрактор – «черную дыру» монитора, с огромной силой втягивающую и поглощающую поколение Net. В-третьих, уже в краткосрочной перспективе фиксируются негативные эффекты доминирования цифровых навыков, проявляющиеся в становлении такой формы субъектности, как «просмотрщики контента», и в возникновении проблемы «аренды знаний». В-четвертых, стремительное технологическое развитие, граничащее с так называемым феноменом «шока будущего» (Э. Тоффлер), может потребовать иных характеристик нашего современника, в частности «пересборки навыков субъекта» под каждую новую ситуацию с акцентом на преимущества способности критически и творчески мыслить от имени «человека разумного».

ЛИТЕРАТУРА

1. Negroponte N. Being Digital / by Nicholas Negroponte. Paperback edition, New York : Alfred A. Knopf, 1996.
2. Ronchi A.M. E-Culture. New York : Springer-Verlag, LLC, 2009. 486 p.
3. Ардашкин И.Б. Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 55–68.
4. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
5. Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество. М. : Изд-во Академия.1997. 587 с.
6. Hutto D., Myin E. Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content. Cambridge : MA: MIT Press, 2013. 232 p.
7. Бырашников П.Н. Философские проблемы информационных технологий и кибер пространства // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIV, № 4. С. 230–236.
8. Лешкевич Т.Г. Мировоззренческие итоги современной науки: инфомир и Номо Interneticus // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий. Вологда : ВоГУ, 2017. С. 165–168.
9. Колмаков В.Ю. Номо semanticus – начало дифференциальной семантики человека. Красноярск : Изд-во КрасГМУ им проф. Ф.В. Войно-Ясенецкого, 2016. 190 с.
10. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий : материалы « круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.
11. Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. М. : Инфран, 2010. С. 5–30.
12. Ленкевич А.С. Биополитика медиа и техника тела в компьютерных играх // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий. Вологда : ВоГУ, 2017. С. 162–165.
13. Малинецкий Г.Г. Субъектность, целелогагия и инновационные среды в евразийском контексте // Рефлексивные процессы и управление. М. : Когито-центр, 2015. С. 143–147.
14. Зацаренный А.А., Колин К.К., Ильин Н.И., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Райков А.Н., Славин Б.Б. Сборка стратегических субъектов развития на основе системы распределительных ситуационных центров // Рефлексивные процессы и управление : сб. материалов XI Междунар. симпозиума «Рефлексивные процессы в управлении». М. : Когнито-Центр, 2017. С. 105–109.
15. Sege C. Digital Culture. Reaction Books. London, 2002.
16. Тюменцева Г.А. Интерактивное одиночество // Научный альманах. 2014. № 2. С. 5–18.
17. Масленникова О.Н., Шальнова Е.С. Homo solus: человек одинокий // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 2, № 2. С. 131–139.
18. Joy В. Why the Future Doesn't Need Us? // Wired. 2000. Vol. 8, № 4.
19. Величковский Б.М. От исследований сознания к разработке когнитивных технологий // Субъективный мир и современные когнитивные науки. М. : ИФРАН, 2012. С. 37–57.
20. Лешкевич Т.Г. Негативы цифровой эры и поиски смысловых опор // Проблема человека в современной философии техники. Ростов н/Д : ДГТУ, 2018. С. 26–32.
21. Leshkevich T.G., Kirik V.A. The semantic shift in educational technologies in the digital age // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 3rd International Conference on the Contemporary Education, Social Sciences and Humanities" (ICCESSH 2018). Atlantis Press, 2018. Vol. 233. P. 93–96. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iccessh-18/authors>
22. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М. : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры»; Ин-т экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
23. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.
24. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. McGraw Hill Professional, 2008. 384 p.
25. Алексеева И.Ю., Никитина Е.А. Интеллект и технологии. М. : Проспект, 2016. 96 с.
26. Кшель В., Сегал А. Клиповое мышление как форма обыденного сознания // Международный академический вестник. 2015. № 4 (10). С. 15–23.
27. Bauerlein M. The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone under 30). New York : Jeremy P. Tarcher / Penguin, 2009. 272 p.
28. Small G., Vorgan G. iBrain: Surviving the Technological Alternation of the Modern Mind. New York : HarperCollins Publishers, 2009. 256 p.
29. Иванов Д.В. Радикальный энактивизм и проблема субъективности // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 60–69.

30. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция / пер. с англ. Н. Микешинной // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152–222.
31. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Языки славянских культур, 2008. 232 с.
32. Miyawaki Y. et al. Visual Image Reconstruction from Human Brain Activity using a Combination of Multiscale Local Image Decodes // *Neuron*. 2008. Vol. 60, is. 5. P. 915–929.
33. Шпицер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М. : АСТ, 2013. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 23 ноября 2018 г.

Digital Transformation of the Era in the Projection of Their Impact on the Modern Man

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 103–109.

DOI: 10.17223/15617793/439/12

Tatiana G. Leshkevich, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Keywords: digital age; relationship “man – world”; digital skills; lease of knowledge.

The article is devoted to the analysis of the impact of digital society on the modern man. This area of research has received the general name Digital Humanities in the English-language scientific discourse, despite the diversity of its constituent problems. The aim of the article is to identify the transformations of the modern person as a result of impact of digital world. The author draws the works of Western scientists N. Negroponte, A. Ronchi, E. Masuda, D. Hutto and E. Myin, C. Cege, M. Prensky, D. Tapscott, M. Bauerlein. The methodological strategy is based on the application of both the principle of concreteness and the principle of realism. These methodological tools allow concluding that the rapid technological development is carried out “in the blind” and is not accompanied by a profound philosophical analysis. In this connection, the focus of attention is shifted to the three main directions of transformations caused by digitalization processes. Firstly, these are transformations of social ontology, in which digital interactions have generated an “invisible layer” of reality, accelerating all types of temporal, spatial and communication interactions. Secondly, these are the anthropological transformations concentrated around the urgent need to improve the “digital skills” and connected with a person’s dependence on values of the “world of digital technologies”. A resident of the digital era appears as an agent of networking possibilities, which generate a new type of “interactive” loneliness and a new type of person – “homo solus”. Thirdly, this is the functional-cognitive dominance of techno-socialization, due to the fact that the future generation should be involved in adult life with developed digital competencies. The image of a “future person” without basic digital skills does not correspond to the realities of the 21 century. The article shows that individual behavior patterns are significantly modified under the influence of the digital environment. In this regard, the author critically examines the phenomenon of “lease of knowledge” and analyzes the “hard problem of content”. The author concludes the following. Firstly, a peculiar type of rationality is fixed, giving preference not to semantic immersion in the content, but to superficially “scanned” information and visual images. This type of rationality is represented by a specific generation of users called “content viewers”. In addition to the fact that the individual seeks to find and accept ready-made information resources, the devaluation of copyright is a symptom that alarms scientific cohorts. Secondly, the digital era asserts its dominance by changing the “man – world” relationship. Being in close contact with the digital environment, the person gets under the influence of a new attractor. The “black hole” of the monitor absorbs generation Z. Thirdly, the “rebuilding” of personal skills for each new situation should be based on the competence to think critically and creatively on behalf of the “homo sapiens”.

REFERENCES

1. Negroponte, N. (1996) *Being Digital*. New York: Alfred A. Knopf.
2. Ronchi, A.M. (2009) *E-Culture*. New York: Springer-Verlag, LLC.
3. Ardashkin, I.B. (2018) Smart technology as a phenomenon: conceptualisation of approaches and philosophical analysis. Are smart technologies really smart? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 55–68. DOI: 10.17223/1998863X/43/5
4. Baeva, L.V. (2013) Elektronnaya kul'tura: opyt filosofskogo analiza [E-culture: the experience of philosophical analysis]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 75–83.
5. Masuda, E. (1997) *Informatsionnoe obshchestvo kak postindustrial'noe obshchestvo* [The Information Society as a Post-Industrial Society]. Moscow: Akademiya.
6. Hutto, D. & Myin, E. (2013) *Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content*. Cambridge: MA: MIT Press.
7. Baryshnikov, P.N. (2012) Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiber prostranstva [Philosophical problems of information technology and cyber space]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. XXXIV (4). pp. 230–236.
8. Leshkevich, T.G. (2017) Mirovozzrencheskie itogi sovremennoy nauki: infomir i Homo Interneticus [World outlook results of modern science: infoworld and Homo Interneticus]. In: Yastreba, N.A. (ed.) *Filosofiya nauki i tekhniki v Rossii: vyzovy informatsionnykh tekhnologiy* [Philosophy of Science and Technology in Russia: Challenges of Information Technologies]. Vologda: Vologda State University.
9. Kolmakov, V.Yu. (2016) *Homo semantiticus – nachalo differentsial'noy semantiki cheloveka* [Homo semantiticus as the beginning of human differential semantics]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University.
10. Voprosy filosofii. (2016) Chelovecheskaya sub'ektivnost' v svete sovremennykh vyzovov kognitivnoy nauki i informatsionno-kognitivnykh tekhnologiy: materialy “kruglogo stola” [Human subjectivity in the light of modern challenges of cognitive science and information-cognitive technologies: materials of the “round table”]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 5–35.
11. Lepskiy, V.E. (2010) Problema sub'ektov rossiyskogo razvitiya [The problem of the subjects of the Russian development]. In: Arshinov, V.I. & Lepskiy, V.E. (eds) *Problema sborki sub'ektov v postneklassicheskoy nauke* [The problem of assembling the subjects in post-non-classical science]. Moscow: IPH RAS.
12. Lenkevich, A.S. (2017) Biopolitika media i tekhnika tela v komp'yuternykh igrakh [Biopolitics of media and technology of the body in computer games]. In: Yastreba, N.A. (ed.) *Filosofiya nauki i tekhniki v Rossii: vyzovy informatsionnykh tekhnologiy* [Philosophy of Science and Technology in Russia: Challenges of Information Technologies]. Vologda: Vologda State University.
13. Malinetskiy, G.G. (2015) Sub'ektivnost', tselepolaganie i innovatsionnye sredy v evraziyskom kontekste [Subjectivity, goal-setting and innovative environments in the Eurasian context]. In: Lepskiy, V.E. (ed.) *Refleksivnye protsessy i upravlenie* [Reflexive processes and management]. Moscow: Kogito-tsentr.
14. Zatsarennyy, A.A. et al. (2017) [Assembling strategic development subjects on the basis of a system of distribution situational centers]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie* [Reflexive processes and management]. Proceedings of the XI International Symposium. Moscow: Kogito-Tsentr. pp. 105–109. (In Russian).

15. Cege, C. (2002) *Digital Culture*. London: Reaktion Books.
16. Tyumentseva, G.A. (2014) "Interactive" loneliness. *Nauchnyy al'manakh – Scientific Almanac*. 2 (2). pp. 271–276. (In Russian). DOI: \$10.17117/na.2014.02.271
17. Maslennikova, O.N. & Shal'nova, E.S. (2011) Homo solus: chelovek odinokiy [Homo solus: a lonely man]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2 (2). pp. 131–139.
18. Joy, B. (2000) Why the Future Doesn't Need Us? *Wired*. 8 (4).
19. Velichkovskiy, B.M. (2012) Ot issledovaniy soznaniya k razrabotke kognitivnykh tekhnologiy [From the study of consciousness to the development of cognitive technologies]. In: *Sub"ektivnyy mir i sovremennye kognitivnye nauki* [Subjective world and modern cognitive science]. Moscow: IPh RAS.
20. Leshkevich, T.G. (2018) [Negatives of the digital era and the search for semantic supports]. *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii tekhniki* [The problem of man in modern philosophy of technology]. Proceedings of the All-Russia Conference. Rostov-on-Don: Don State Technical University. pp. 26–32. (In Russian).
21. Leshkevich, T.G. & Kirik, V.A. (2018) The semantic shift in educational technologies in the digital age. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 3rd International Conference on the Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018). Vol. 233. Atlantis Press. pp. 93–96. [Online] Available from: <https://www.atlantispress.com/proceedings/iccessh-18/authors>.
22. Bourdieu, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Translated from French. Moscow: Fond nauch. issled. "Pragmatika kul'tury; In-t eksperimental'noy sotsiologii.
23. Prensky, M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*. 9 (5). pp. 1–6.
24. Tapscott, D. (2008) *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. McGraw Hill Professional.
25. Alekseeva, I.Yu. & Nikitina, E.A. (2016) *Intellekt i tekhnologii* [Brain and technologies]. Moscow: Prospekt.
26. Koshel', V. & Segal, A. (2015) Klipovoe myshlenie kak forma obydenного soznaniya [Mosaic thinking as a form of everyday consciousness]. *Mezhdunarodnyy akademicheskyy vestnik*. 4 (10). pp. 15–23.
27. Bauerlein, M. (2009) *The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone under 30)*. New York: Jeremy P. Tarcher / Penguin.
28. Small, G. & Vorgan, G. (2009) *iBrain: Surviving the Technological Alternation of the Modern Mind*. New York: HarperCollins Publishers.
29. Ivanov, D.V. (2016) Radical Enactivism and the Problem of Subjectivity. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 60–69. (In Russian).
30. Barber, M., Donnelly, K. & Rizvi, S. (2013) Nakanune skhoda laviny. Vysshee obrazovanie i gryadushchaya revolyutsiya [An avalanche is coming. Higher education and the revolution ahead]. Translated from English by N. Mikeshina. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 3. pp. 152–222.
31. Krongauz, M.A. (2008) *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
32. Miyawaki, Y. et al. (2008) Visual Image Reconstruction from Human Brain Activity using a Combination of Multiscale Local Image Decodes. *Neuron*. 60 (5). pp. 915–929. DOI: 10.1016/j.neuron.2008.11.004
33. Spitsner, M. (2013) *Antimozg: tsifrovyye tekhnologii i mozg* [Antibrain: digital technology and the brain]. Translated from German by A.G. Grishin. Moscow: AST.

Received: 23 November 2018